
Ю. А. КРАШЕНИННИКОВА

*СВАДЕБНЫЕ ПРИГОВОРЫ ВИЛЕГОДСКОГО РАЙОНА
АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ЗАПИСЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.*

В настоящей публикации представлены записи приговоров свадебных дружек, сделанные во второй половине XX в. на территории Вилегодского района Архангельской области, расположенного в бассейне р. Виледь, притоке р. Нижняя Вычегда, исторически связанного с Сольвычегодским уездом Вологодской губернии.¹

Из севернорусских традиций вилегодская, пожалуй, одна из репрезентативных в плане имеющегося материала: тексты свадебных приговоров записывались корреспондентами Русского географического общества, краеведами, местными жителями, фольклористами разных научных школ.² Наблюдения над существующими записями, сравнение их с материалами других местностей позволяют говорить о вилегодской традиции этого свадебного жанра как одной из наиболее развитых на Русском Севере. В свадебном обряде Виледи приговоры комментировали многие значимые ритуальные акты довенечной части (как в доме невесты, так и в доме жениха) и единичные послевенечные акты. Жизнеспособность жанра подтверждается и экспедиционными записями, сделанными во второй половине XX в., которые демонстрируют наличие достаточно полного перечня мотивов и репертуара поэтических средств.

В народной обрядовой терминологии Виледи четкого определения текстов, исполняемых дружкой, не зафиксировано, встречаются единичные названия «молитва» (СыктГУ: 0481-13), «проповедь» (ИЯЛИ: ВФ 1704-12), «слова» (ИЯЛИ: ВФ 1704-19); чаще исполнители отмечают особенности манеры произнесения приговоров: дружка «приговаривает» (СыктГУ: 0435-4а), «читает» (ИЯЛИ: АФ 1706-84), «шепчет» (ИЯЛИ: АФ 1705-65), «причитывает», «поет» (ИЯЛИ: АФ 1704-24) и др., — которые корректируют исследовательские представления о жанре, содержат указания на типологически сходные признаки приговоров с другими «говорными» по способу произнесения³ и песенными жанрами (в частности, заговорами, жанрами ярмарочного и балаганного фольклора, причитаниями).

Наблюдения над экспедиционными записями второй половины XX в. позволили сделать ряд выводов. Во-первых, в содержании поэтических текстов нашли отражение и закрепились те моменты ритуала, в которых дружка принимал непосредственное участие. Устойчивость их в традиции обусловлена комментирующей

---

¹ До 1918 г. Вилегодский район входил в состав Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX веках: Справочник. Архангельск, 1997. С. 66—68, 105, 106).

² Обзор опубликованных и архивных материалов сделан в работе: Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области (к вопросу об источниках и собирателях) // Рябининские чтения-2007: Мат-лы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 326—330.

³ Те жанры, произведения которых говорят (Левинтон Г. А. Замечания о жанровом пространстве русского фольклора // Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. и мат-лов памяти Ларисы Иевлевой. СПб., 1998. С. 65).

и организующей функциями жанра, его включенностью в обряд.⁴ В этом контексте подтверждается справедливость высказанных ранее соображений о необходимости привлечения этнографических свидетельств при изучении обрядовых жанров и о возможности использования поэтических текстов приговоров для описания той части обряда, в которой они исполнялись.⁵ Так, в произносимых в доме жениха приговорах дружка описывает подготовку поезжан к отъезду: просит благословения у родителей и присутствующих гостей, комментирует процесс подготовки свадебного поезда (выбор коней, упряжи), уточняет «стратегию» поведения поезжан в дороге (заручается поддержкой семьи, просит назначить главный чин в поезде), руководит отъездом поезда (см. № 2, ст. 1—30; № 3, ст. 1—25; № 4, ст. 1—19).⁶ В момент приезда поезжан к дому невесты дружка рассказывал о пути свадебного поезда; в вилегодской традиции эта тема реализуется комплексом мотивов: дорога, погоня по куньему следу, встреча с чудесным помощником. Ритуальный акт отпирания закрытых дверей сопровождался диалогами дружки и представителя невесты, цель которых — обеспечить жениху соответствующий его статусу вход в дом, (№ 1, ст. 30—35; № 5, ст. 12—14; № 6, ст. 14—24). При входе в дом произносились приговоры, которые содержат описание поступательного продвижения дружки по ступеням, на крыльце, через порог (№ 1, ст. 46—69; № 2, ст. 61—78; № 3, ст. 82—89; № 4, ст. 47—62; № 5, ст. 15—26; № 6, ст. 25—27). Подробно в вилегодских текстах представлен ритуальный акт взаимного одаривания невесты и поезжан (описание «серебряного ящика» с подарками, просьба «дать тарелочки», просьба предоставить «дорожку» к невесте, вручение подарков невесте от жениха, требование «отдарочков») (№ 2, ст. 111—147; № 3, ст. 72—81, 95—108; № 5, ст. 44—54; № 6, ст. 46—71). Послевенечный период сопровождается незначительным количеством текстов; это может объясняться как уменьшением роли дружки после венца, так и общим процессом сворачивания традиции и, как следствие, исчезновением из репертуара этих текстов. Многие исполнители указывают, что на дружку возлагалась обязанность отвести молодых на подклет. Возможно, к этому моменту обряда было приурочено исполнение «байки про табачок», текст которой мы представляем ниже (№ 7). Зафиксированы лаконичные приговоры, которые произносились дружкой за свадебным столом и регулировали начало свадебного пира, смену блюд, процедуру рассаживания гостей за столом (№ 5, ст. 55—63).

Во-вторых, характеризуя поэтическую фактуру вилегодских текстов, можно выделить несколько напластований. Если говорить о соотношении локального с общефольклорным репертуаром, характерным для жанра в целом, то сходство с ним вилегодского наблюдается не только на уровне перечня основных мотивов и сюжетных тем при различиях конкретных вербальных манифестаций, но и в наличии корпуса «устойчивых стилистических моделей».⁷ Это формулы: «скок через порог, едва ноги переволок»; «столы дубовые, скатерти браные, яства сахарные, питья медвяные»; «[невеста] тонко пряла, звонко ткала, бело белила, на камешке колотила», что используется в приговорах в качестве хвалебной характеристики девушки; «полет коня» — образ, обнаруживающий параллели с былинными и сказочными формулами; «сена до колена, овса до хвоста, пшенки до щетки» — аналогии этой формулы обнаруживаются в поговорках — и др.

Ряд описаний обнаруживают близость на содержательном уровне с записями других севернорусских традиций, в том числе и граничащих с Виледью (реализация мотивов «погоня по куньему следу», «дружка заговаривается от порчи», фор-

⁴ Об этом см., в частности: *Байбурина А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 210.

⁵ См., в частности: *Круглов Ю. Г.* Свадебные приговоры как жанр // *Жанровая специфика фольклора*. М., 1984. С. 75.

⁶ Здесь и далее ссылки на тексты, которые публикуются ниже.

⁷ Под этим термином И. А. Разумова понимает «устойчивые стилистические приемы и обороты», «словесные клише», «стилистические стереотипы» — «все устойчивые элементы языка и стиля» (*Разумова И. А.* Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск, 1991. С. 3—4 и след.).

мулы «у вашего двора была подворотенка пола, туда куница и ушла», «деревня как город, дом как терем» и др.).

Наибольший интерес представляют тексты, содержащие редкие в художественном отношении описания, выделяющие местную традицию. В этом контексте отметим разработку ряда уникальных сюжетов, а также единичные описания, появление которых связано с личной манерой отдельных исполнителей. Характеризуя группу приговоров, которые произносились в доме жениха перед выездом за невестой, обозначим лишь некоторые детали. При обращении к присутствующим используются эпитеты, посредством которых определяется статус гостя (приглашенный, не приглашенный; расположение гостей в доме — в «сутном», то есть красном, углу, «кутном углу», за печью, на пороге — также свидетельствует о статусе гостя): «Вы, гостеньки суточны, куточны, / Званы и незваны, запечина, подпорожина, / Все говорите: Бог благословит» (№ 2, ст. 5—7). В текстах, где дружка уточняет «стратегию» поведения поезжан в дороге, отразились народные представления о встрече в пути с другим свадебным поездом или похоронной процессией.⁸ Близкие этим текстам отмечены в записях XIX в. из Сольвычегодского уезда Вологодской губернии,⁹ однако вилегодский текст характеризуется наличием уточняющих строк («мы едем туда, а другие оттуда едут»), дополнительной сюжетной линией с развернутой конфликтной ситуацией: поезжане спрашивают разрешения «поколотить по шее» представителей встретившейся свадьбы:

Мы поедем,
Встретимся брат с братом,
Мы едем туда,
А другие оттуда едут.
Кому прикажете воротить?
Им воротить или нам воротить,
Или на половину дорогу делить,
Или их по шее колотить (№ 2, ст. 17—24).

К специфическим чертам вилегодских приговоров отнесем разработку сюжета «встреча с чудесным помощником» (см.: № 4, ст. 22—28), который в записях разных исполнителей имеет устойчивое содержание: поезжане на росстани (вар.: в «чистом поле») встречают дерево, на котором находится икона или сидит чудесный помощник. Обращение поезжан к чудесному помощнику связано с получением благословения и защиты в дороге. Наделив поезжан благословением, чудесный помощник указывает им дорогу к дому невесты.

Этот сюжет фиксируется на Виледи со второй половины XX в., сходных сюжетов из других местностей или материалов XIX в., записанных на этой же территории, не обнаружено. Отметим, пожалуй, тексты Вологодской губернии (Сольвычегодский, Устюжский, Вельский уезды), в которых путь поезжанам указывают «два усатых, белобородатых старика» или плавающие посреди синего моря «гуси серые, лебеди белые, соколы ясные».¹⁰ Наличие разновременных вилегодских записей позволяет проследить изменения вербальной манифестации: в записях 1950—1970-х гг. у «дерева» отсутствуют дополнительные признаки (порода, наличие листвы), есть четкое указание на то, что на дереве находится икона Николая Чудотворца. В записях 1980—1990-х гг. образ дерева конкретизируется («кипарис», «купористое дерево», «дряво зелено-кудряво»), на нем «сидит» святой — Николай Чудотворец или Пресвятая Богородица, указывающие дорогу к дому невесты, — например, в записи 1990 г.: «Доехали до росстаней, / Тут наши кони стали. / На тех росстанях стоит *дряво зелено-кудряво*, / А на том дряве *сидит Николай Угодник*. /

⁸ По народным представлениям встреча двух свадебных поездов или встреча свадебного поезда с похоронной процессией сулит смерть одному из молодоженов, несчастье в семейной жизни (Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 100. Л. 9).

⁹ Ср.: Кузнецов 1902. С. 7. № 24; Ордин 1896. С. 85.

¹⁰ См.: Дилакторский П. А. Свадебные обряды Вологодской губернии // ЭО. 1903. Кн. 56, № 1. С. 37; Ивановский 1881. С. 48; Кузнецов 1902. С. 10; Ордин 1896. С. 89.

И мы ему помолились, покрестились, / На путь-дорогу попросились, / И он нас направил на путь-дорогу...» (ФА СыктГУ: 0486-46).

Полагаем, что на разработку этого сюжета на Виледи оказала влияние заговорная традиция:¹¹ в текстах эксплицируется архаичная идея посещения потустороннего мира, контакта с его представителем и возвращения оттуда в более высоком статусе, отчетливо проявляющаяся, в частности, в заговорах.¹² Эта идея во многом определяет выбор образов, большинство из которых (топографические локусы, дендросимволы, чудесные помощники) в контексте мифопоэтических представлений наделены особой знаковостью. Так, росстань в религиозно-мифологической севернорусской топографии обладала ярко выраженными маргинальными свойствами, в мифопоэтическом сознании отождествлялась с границей того и этого света, была связана с выбором жизненного пути, судьбы.¹³ Дополнительные признаки дерева («зелено-кудряво», то есть «живое», и уточнение породы — кипарис, то есть «вечнозеленое», а также непричастность «нижнему» миру, которая объясняется отсутствием описания его нижней части) сообщают ему положительную семантику и противопоставляют «сухому», «мертвому» дереву, свойства которого ярко выражены в присушках. Сакральность дереву придает находящаяся на нем икона или сидящий чудесный помощник, указывающий свадебному поезду дорогу, то есть предсказывающий жениху его судьбу, что нашло отражение в финальных фразах текстов.

Отпирание закрытых дверей дома невесты в свадебном обряде Виледи сопровождалось ритуальным диалогом, цель которого — предоставить регламентированный вход, соответствующий особому статусу жениха. Диалог дружки с представителем невесты строится на последовательном назывании локативов дома, которые могут играть роль возможных входов, и отказа от них дружки, поскольку они предназначены для людей с другим социальным положением:

— Где нам поколотиться:
У крылешных дверей,
Или у банных дверей,
Или у стайных дверей?
— У стайных дверей.
— Наш жених — не пастух,
Стайных дверей не знает.
— У банных дверей.
— Наш жених — не поивушка,¹⁴
Банных дверей не знает.
— У крыльца (№ 6, ст. 14—24; вар.: № 1, ст. 32—35).

Еще один текст, который произносился у закрытых дверей, носители традиции идентифицируют как «загадку» (№ 5, ст. 12—14), указывая на его положение в сюжете приговора: «*Это он [дружка. — Ю. К.], значит, и подъезжает к дому, ко крыльцу, к невесте. Значит, раз дружка, двери закрывают у невесты, их не пускают. Он требует, чтобы открыли. Там говорят: „Если хочешь хлеба есть, так хоть в щелку лизь“. Опять такие вопросы задают [здесь речь идет о реплике представителя невесты «Кто там пишит, комар или муха?». — Ю. К.]. Вот он отвечает: „Я, говорит, ни комар, ни муха, а от Свята Духа“»* (ИЯЛИ: АФ 1703-34).

¹¹ Е. Б. Островский и Е. А. Самоделова указывают, что подобные мифологические сюжеты в свадебных приговорах обнаруживают параллели с обрядовыми текстами колядовщиков (*Островский Е. Б.* Вологодский свадебный фольклор: (История, традиции, поэтика): Дисс. (...) канд. филол. наук. М., 1999. С. 21; цит. по: *Самоделова Е. А.* Дружка и его помощник // Мужчины в традиционной культуре. М., 2001. С. 37).

¹² *Шиндин С. Г.* Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. М., 1993. С. 109.

¹³ *Теребихин Н. М.* Сакральная география Русского Севера: (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993. С. 60.

¹⁴ *Поивушка* — в народной терминологии Вилегодского района женщина, которую приглашали для оказания помощи роженице при родах и новорожденному.

При входе в дом дружка произносил приговоры, в которых выражается желание отдалить от жениха и невесты людей и животных, способных испортить свадьбу, навлечь несчастье на новобрачных.¹⁵ Тексты строятся на перечислении «нежелательных» присутствующих и мест их «ссылки»:

Сват да сватьяшка,
 Невестина матушка,
 Нет ли у вас старух старых, собак ярых,
 Стариков-еретиков, петухов-клевунов,
 Куриц-клоктуний, старух-пердуний?
 Убирайте старух старых на печь,
 Собак ярых — на цепь,
 Стариков-еретиков — в подполье,
 Маленьких ребят — жопами на колье
 (№ 4, 80—88; вар.: № 2, ст. 79—90; № 3, 56—64;
 № 5, 27—32; № 6, 28—35).

Перечень людей и животных устойчив в вилегодских записях: из представителей человеческого мира чаще всего называются старики, старухи, дети с соответствующими эпитетами («старики-еретики», «старики старые», «старухи старые», «старухи-пердуньи», «ребята малые»), в числе единичных отметим «мужики-еретики», «бабы-колдуньи», «злые еретики»; из представителей животного мира практически во всех текстах упоминаются «петухи-клевуны», «собаки ярые», реже — «курицы-колдуньи», «курицы-клоктуньи».

Выбор эпитетов объясняется народными представлениями о способах наведения порчи, согласно которым испортить можно умышленно или непроизвольно посредством слова, взгляда, через предмет.¹⁶ Порча может быть наведена людьми, наделенными «особым» знанием, в приговорах они называются колдунами, еретиками («старики-еретики», «мужики-еретики», «бабы-колдуньи», «злые еретики»). Непроизвольно испортить могут люди испорченные или притягивающие порчу (завистливые, злопамятные, болтливые, сквернословы). В этом контексте неслучайным видится выбор эпитетов, формирующих образы нежелательных присутствующих: *старый*, *малый* (подчеркивается неспособность к воспроизводству, отсутствие фертильности), *бранливый*, *ярый*, *злой*, *пердунья*, *клоктунья*, *клеву* (сделан акцент на том, что носители этих черт испытали воздействие нечистой силы). Персонажи с аномальными поведенческими характеристиками номинируются как *баба*, *мужик*; эти лексемы несут в себе сниженное значение, пренебрежительный оттенок, зачастую отрицательную коннотацию. В частности, *баба* «в сочетании с мифологическими именами и эпитетами обозначает различных женских демонов»,¹⁷ *мужик* употребляется в отношении «простолоудина, человека низшего сословия, необразованного, невоспитанного, грубого, невежи»,¹⁸ то есть в отношении к человеку, не являющемуся равным с окружающими, со значением «стоящий на более низкой ступени в социальном ряду».

Из животных чаще всего упоминаются собака и петух; в народных представлениях они воспринимаются как посредники между миром людей и потусторонним миром. Так, наблюдения над словом *собака* (на материале этнографических, фольклорных, лингвистических данных, записанных в севернорусском регионе) позволили заключить, что собака является одновременно представителем чужого, опасного для человека, мира, защитником человека от злых сил, посредником

¹⁵ Мотив, который реализуется в этих текстах, мы обозначили «дружка заговаривается от порчи». Причиной именно такого номинирования послужила реплика одного из вилегодских исполнителей, Н. О. Сухих, который заметил: «Когда он [дружка] читал про стариков-то этих, вот он в это время заговаривался...» (ИЯЛИ: АФ 1703-53). Особенности манифестации этого мотива в записях севернорусских локальных традиций мы рассматривали в другой работе, см.: Крашенинникова Ю. А. К вопросу о специфике персонажной системы в приговорах свадебных дружек (в печати).

¹⁶ Мифология коми. М.; Сыктывкар, 1999. С. 362.

¹⁷ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 122.

¹⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. С. 357.

в магических обрядах.¹⁹ Петух также осознается как маргинальная птица: в частности, связь петуха с иным миром отражена в использовании его в обрядах гадания и перехода в новый дом; считается, что с криком петуха исчезает нечистая сила и т. п.

Что касается перечня мест «ссылки» нежелательных присутствующих, то отметим, что практически все упоминаемые в приговорах элементы жилища, интерьера и локусы внешнего пространства (подполье, печь, полаты, угол печи, голбец, подстолье, задворье, заполье) относятся к маргинальным, обладающим высокой степенью семиотичности локусам.²⁰

В вилегодских приговорах разрабатываются яркие характеристики персонажей ритуала — поезжан, дружки, жениха, невесты, женского окружения невесты. Образ жениха формируется эпитетами *добр, здоров, здравен, хорош, исправен*, значения которых концентрируют идею физической и духовной зрелости жениха, его сексуальной силы, готовности к браку.²¹ Эти лаконичные характеристики дополняются описаниями «гуляющего в поле молодца», в них жених сравнивается с «ясным соколом», «серым зайцем». Выбор этих зоо- и орнитоморфных образов объясняется их общей мужской символикой, связанной с браком,²² и «архаической, сакральной в своих истоках фаллической символикой».²³ Откровенно грубые эротические описания жениха отсылают к заговорам от импотенции, ср.: «А у нашего молодого князя как рог, / Голова как кий, а сам как клин, / А язык как колоколо» (№ 4, ст. 105—107),²⁴ подблюдным песням, ср.: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий наш! / Поднимались на крыльцо / Да у молодого князя несли х... через плечо» (ИЯЛИ: АФ 1706-48).²⁵

Невеста изображена умелой и опытной в сексуальных делах, что прямо противоположно образу неискушенной девушки, созданному в песнях, исполнение которых приурочено к довенечной части свадьбы. В описание дороги свадебного поезда вилегодский дружка включает эпизод, в котором рассказывает о подслушанном разговоре о невесте, привечающей на «большой дороге» «каждого встречного-поперечного»:

Ехали чистыми полями,
Зеленыма лугами,
Попало нам озеро.
На озере две утицы плавают.
Одна утица говорит, что
У вас молодая княгина
Недобрых родов-то была,
На большой дороге жила.
Сто человек по дороге проходило,
Она каждого из них целовала
И каждому давала... (ИЯЛИ: АФ 1706-40; вар.: № 4, ст. 77—79).

¹⁹ Бунчук Т. Н. Культурогенные возможности слова «собака» (особенности бытования слова в севернорусском регионе в контексте общеславянской культуры) // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 208—217.

²⁰ См.: Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

²¹ *Хороший* — «лепый, красный, прекрасный, красивый, красовитый, басистый, баской, видный, взрачный, казистый, приглядный, пригожий, статный, нравный на вид, по наружности; добрый или путный, ладный, способный, добротный, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству. (...) *хорош, влд.* — хахаль, любовник...» (*Даль В. И.* Толковый словарь (...). Т. 4. С. 561—562); эпитет *здравен* в числе значений имеет «рассудительный, осмысленный, толковый» (Там же. Т. 1. С. 675).

²² Гура А. В. Ласка (*mustela nivalis*) в славянских народных представлениях. I // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст. М., 1981. С. 130, 132.

²³ Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 184.

²⁴ Н. Познанский, рассматривая мотив «рога» в заговорах от *impotentia virilis*, отмечал первоначальную простоту мотива, заключающуюся в краткой формуле «стой мой..., как рог!» (*Познанский Н.* Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995. С. 204).

²⁵ В подблюдных песнях Вятского края образ «мужичины» с гипертрофированными гениталиями предвещал свадьбу, богатство, продолжение рода, см.: «Лежит мужик на лавке, / Свесил его под лавку», «Сидит мужичина на лавице, / Свесил полы под лавицу» (*Сатыренко А. С.* Подблюдные песни Вятского края // Русский эротический фольклор. М., 1995. С. 232).

Тема фертильности, отчетливо проявляющаяся в характеристиках невесты, дублируется при изображении женского окружения. Коллективные «женские» описания («тетушки-молодушки, белые лебедушки», «бабоньки») регистрируются в текстах, в которых дружка выражает просьбу предоставить ему проход («дорожку») к невесте:

Тетушки-молодушки,
 Порасступитесь, порасшатитесь.
 У вас рожи-то мазаны,
 Посередке-то глажены,
 Для нас, для дураков, излажены.
 У нас глаза завидящи,
 Руки загребящие.
 Надо не обзариться и хорошее местечко не пощупать,
 Надо вам на башмачки не наступить,
 Шелковы пуговицы не оборвать,
 Надо вас не пристыдить и самим себя не обесчестить
 (СыктГУ: РФ 0408. С. 65—67).

Поезжане наделены чертами завоевателей, способных причинить ущерб окружению невесты, коллективный портрет создается с помощью формулы «глаза завидящие, руки загребящие» (вар.: «забродящие», «руки длинные, глаза завидны») ²⁶ и описательной части, в которой перечисляются возможные действия поезжан в случае «сопротивления» представительниц стороны невесты. В пожелании не нанести ущерб женщинам («чулочки не замарать», «шелковы пуговицы не оборвать», «с башмачков пуговицы не ощипать», «на башмачки не ступить», «башмачки не помарать», «сарафаны не порвать», «хохолки не потрясти») содержатся детали коллективного портрета женского окружения невесты. Эротическая символика этих текстов очевидна благодаря перечислению названных выше сочетаний в одном ряду с эвфемизмом «потрясти хохолки»: ²⁷ незапачканные чулки и башмаки, необорванные пуговицы, непорванные сарафаны составляют круг символических маркеров девичьей невинности, соответственно оборванные пуговицы, запачканные или залитые пивом платье и чулки, порванные сарафаны и проч. символизируют потерю целомудрия, что проецируется на невесту.

В текстах приговоров описание невесты соединяется с изображением жениха, а женское окружение характеризуется совместно с персонажами мужского круга, и «мужские» и «женские» характеристики как бы перетекают одна в другую, дополняя друг друга. Таким образом в приговорах проговаривается принцип «полярности» «мужского» и «женского». Вместе с тем благодаря явным перекличкам в изображениях главных и второстепенных «мужских» и «женских» персонажей ритуала невеста и жених «вписываются» в новую социально-возрастную группу и наделяются исключительно положительными характеристиками — здоровьем, фертильностью, добром, умом, рассудительностью, красотой, благополучием.

В вилегодских приговорах достаточно подробно и ярко представлен ритуальный акт одаривания невесты и поезжан, сопровождался он любопытными в поэтическом отношении текстами, к большинству из которых аналогов в записях других традиций мы не обнаружили. В рассказах о свадьбе исполнители часто комментируют этот ритуальный акт, ко многим фрагментам поэтических текстов «объяснения» обнаруживаются в интервью. Начало одаривания оформлялось приговором,

²⁶ Эта формула кроме свадебных приговоров достаточно часто встречается в других жанрах: текстах свадебных причитаний (см.: Обрядовая поэзия Пинежья: Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.) / Под редакцией Н. И. Савушкиной. М., 1980. С. 57, 67 и др.), народного театра, эпоса (*Молдавский Д. М.* Русская народная сатира. Л., 1967. С. 106—107), паремиях (*Даль В. И.* Толковый словарь {...} Т. 1. С. 570).

²⁷ Часто встречается в свадебных жанрах, см., например, приговор, произносимый при проходах на подклет «Благословляйте молодых на подклет вести, / За хохол трясти» (МГУ: ФЭ—18:5923), песню, которую девушки поют невесте в бане: «Дуйся, хохол, / Раздувайся, хохол, / Послезавтра хохол / Будешь женихов» (*Мильникова К., Цициус В.* Северно-великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1928. С. 67) и др.

в котором дружка обращается к родителям и присутствующим гостям («суточны, куточны, званы и незваны, запечины и подпорожина») с просьбой благословить «новобрачной молодой княгине подарочки снести». В двух записях зафиксировано описание «серебряного ящика», в котором привозились подарки для невесты:

Ты, новобрачный молодой князь,
Не заглядывайся, не засматривайся
И вынимай-ка золотой ключик,
Отпирай-ка серебряный ящик,
Вынимай-ка подарочки,
Клади на тарелочки.
На первую тарелочку —
Башмачки и чулочки,
На другую тарелочку —
Белила румяные, гребешок и чисто зеркальце (№ 3, ст. 72—81).

В интервью информанты указывают на наличие ящика с подарками, который открывал тысяцкий: *«Тысяцкий был этот уж, он открывает какой-то там ящичёк, наверно. Это он так словами рассказывает, уже добавляет. Тысяцкий там откроет ключиком, и тогда ударят невесту. А потом уже опять невеста дарит»* (ИЯЛИ: АФ 1705-11а). Сошлемся и на описание свадебных обрядов и обычаев, составленное М. Забылиным, в нем упоминается ритуал подготовки даров, предназначенных для невесты: накануне дня свадьбы в доме жениха мальчик шести-семи лет укладывает «все галантерейные предметы» в ларчик, жених, закрыв ларец, вечером отвозит его вместе с ключом к невесте.²⁸

Перечень даров, представленный в поэтических текстах, соотносится с этнографическими свидетельствами: исполнители указывают, что дружка преподносил невесте гребень, чулки, сапоги, мыло, платок. В приговорах в числе даров называются такие реалии, как «белое платье», «фата»: «Подарки несем: / Белое платье, красная фата, чистое, немутное зеркальцо» (СыктГУ: РФ 0408. С. 64—65); их появление, вероятно, обусловлено влиянием городской культуры и характеризует личную манеру исполнителя. В текстах зафиксировано собирательное название даров — «наблюдники»: *«...У нашего новобрачного князя есть вам наблюдники». Это сапожки или полушалок кладётся. Дается оно на полотенце, на тарелочке подносят ему, а он на тарелочку это ставит. [А какая тарелка, специальная?] Да нет, обыкновенная тарелка»* (СыктГУ: 0473-30).

С обрядом дарения связана еще одна специфическая черта содержания вилегодских приговоров: подарки невесте преподносились на блюде,²⁹ процедура получения которого от представителей рода невесты также нашла отражение в поэтических текстах. Приговоры строятся на перечислении «золотых», «серебряных», «оловянных», «деревянных» тарелочек; в записях из микролокальной традиции Селянского сельского совета просьба предоставить блюдо получает мотивированное объяснение (тарелочки разбиваются в дороге):

Дайте нам тарелочки золотые,
Нет золотых — деревянные,
Нет деревянных — хорошо и оловянные,
Нет оловянных — мы и в подоле унесем.

Тарелочки выдадут, и тогда подходишь опять на сёрдь за невесте:

²⁸ Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. М., 1990. С. 161.

²⁹ Зафиксировано в интервью: *«Вот еще до стола, обожди, дружки еще блюдо выпросят. А подарить невесте наблюдники: сапожки, гребелку. У невесты дружки выпрашивают, от невестинной стороны...»* (СыктГУ: 0473-30); *«А раньше правило было: чулочки невесте на блюдечке, это просили блюда и башмачки надевались. Это на блюде, а потом они идут вперед...»* (СыктГУ: 0489-17) и др. Преподнесение подарков на блюде связано с запретами на совершение действий на свадьбе (дарение, угощение и др.) «голыми» руками.

У нас были торелочки золотые,
Мы ехали по крутым горам,
По темным лесам,
По длинным мостам,
У нас моста подломилися,
Торелочки розбилися (№ 6, 54—63; вар.: ИЯЛИ: АФ 1704-107).

В текстах, посредством которых дружка узнает о местонахождении невесты в доме, отразились представления о «шкале социальных ценностей», в которой сидение на печи означает «крайне низкое социальное положение героя»:³⁰

— А где молодая князюшка?
Ежели на середе — несую на передке,
Ежели на печи, то несую на плече (№ 6, ст. 49—51).

Комментируя этот фрагмент, исполнительница отметила, что невеста, сидящая в момент приезда жениха на печи, считалась больной, сглаженной, а девушка, находящаяся в центре избы, напротив, — здоровой, готовой к замужеству (ИЯЛИ: АФ 1705-11а).³¹ Таким образом, нахождение в центре дома («на середе») интерпретируется приговором как проявление здоровья и готовности невесты к браку, сидение на печи, напротив, сигнализирует о физической немощности, нежелании смены статуса.

Отметим и ряд типизированных описаний, характерных для вилегодских текстов, в частности описание ответных даров («отдарочков»), которые требует дружка от невесты: «...семь аршин полотна, / Чтобы вышла рубашка / Не длинна и не коротка и с подштанничкима» (№ 2, ст. 139—141; вар.: № 6, ст. 64—71 и др.). «Сквозной» для вилегодских приговоров является тема угрозы роду невесты, реализуемая фразой: «Каково будет у вас нашим, таково и у нас вашим», — способной к амплификации, открытой для вариативности и поэтому использующейся в разных обрядовых актах, например, при дарении: «Как кого будешь дарить, / Таково буду хвалить: / Хорошо будешь дарить — / Хорошо буду хвалить, / Плохо будешь дарить — / Буду хаять и бранить» (№ 2, 142—147); на свадебном пиру: «Если вы наших будете обносить, / То мы до ваших далеко не станем доносить. / А если вы наших будете обижать, / То мы ваших не будем живых домой отпускать» (№ 4, ст. 99—102).

Некоторые тексты зафиксированы в единственном варианте, однако в записях XIX в. к ним обнаруживаются близкие по содержанию приговоры. В частности, описание сбора гостей на свадьбу строится на принципе синтаксического параллелизма (приезд гостей сравнивается с прилетом птиц): «Все гости съезжались, / Как серые гуси слетались / С мелких озер на широкое большое озеро» (№ 4, ст. 39—41; ср.: Ордин 1896. С. 80); приговор, который исполнялся в момент возвращения дружек в дом невесты после отъезда всего поезда к венцу, звучит так:

Едут, говорит, дружки,
А люди не хрушки,
За порог шагают,
Невесту дожидают.
А мы невесту отправили
Да вернулись домой (СыктГУ: 0473-14).

³⁰ Новичкова Т. А. А. К. Байбурун. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян: Рецензия // Русский фольклор. Л., 1987. Т. 24. С. 186.

³¹ В этом контексте любопытны устные мифологические рассказы о наведении на невесту порчи, в которых приводятся симптомы порчи — невеста показывается жениху в медвежьей шерсти, жалуется на плохое состояние, мерзнет, например: «Одна невеста и попросилась на кусты... Ну, оне пошли. Только бы хоть жених-от иди бы взади, а он в ряд идет. А мы сидим-от, недоростками были на пороге, на этом, на приступочке. Старуха тут вот сидит да ей бедность еённую дочерь не сватают, а пошла молодая [невеста]. А она [старуха] взяла да ей эк в спину-ту ткнула пальцем. Я видела, как ткнула она. Она [невеста] пришла с улицу-то, *вся замерзла*. Жениху-то в *шерсте стала казаться*. Он все сватанье прикрыл, домой поехали. Манефа *замерзла вся, на печь ушла* после женихов, *вся замерзла...*» (ИЯЛИ: АФ 1702-67).

Целью возвращения было получить угощение (это зафиксировано в интервью: «Раньше к венцу ездили. Как зимой уедут на конях, все уедут, а дружка немножко от дому отъедет, два мужика и ворочается обратно. Ворочается, им хозяин выставляет бутылку вина, оне сядут, выпьют и тогда поехали...» (ИЯЛИ: АФ 1706-84)) и от имени жениха пригласить родственников невесты на свадьбу (Ордин 1896. С. 116; РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 39. Л. 90 об.).

В записях одного исполнителя представлены застольные приговоры. В них отразились функции дружки как распорядителя свадебного угощения: приговоры, которыми регулировались начало свадебного пира (№ 5, ст. 55—57) и процесс перемены блюд (№ 5, ст. 59—60); появление данного приговора в репертуаре исполнителя связываем с песней «Теща для зятя пироги пекла...», имеющей распространение в Вилегодском районе. Интерес представляет приговор, который сопровождал вынос «честь» — свиной головы, символизирующей целомудрие невесты: «Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас! / Несу честь, / Тысяцкому рушать, / Всем гостям кушать» (СыктГУ: 0473-32, вар.: № 5, ст. 61—63).³² В нем закреплено четкое распределение функций дружки как распорядителя угощения и тысяцкого как особо почетного представителя рода жениха, выполняющего самые ответственные обязанности в обряде, что отмечено исполнителем: «Евоно дело, тысяцкого. (...) Раньше голову поросечью зажарят, вот он ее разделяват на тот стол, на другой, а ее приносят целиком. Ну, как говорится, разделить на части. Это у жениха делается» (ИЯЛИ: АФ 1703-33); «У жениха честь выносят на третье блюдо. Свиною голову. Мясa много. Мясо разнесут по всем столам. Это честь называется. Одну честь-голову он несет, дружка несет на стол. (...) Тысяцкому рушать, ну, резать, разрезать» (СыктГУ: 0473-32). От этого же исполнителя зафиксирован приговор, в котором выражена просьба подать угощение: «Хозяин да хозяйюшка, / Подайте по стаканчику пивця, / Щтёбы читать было ловца» (№ 5, 41—43). Сопоставление сделанных от него повторных записей показало, что этот приговор исполнялся многократно при многих ритуальных актах.

Еще один текст, который имеет распространение в населенных пунктах Селянского сельского совета (д. Фоминская, пос. Фоминск), в терминологии вилегодских исполнителей называется «байкой про табачок» (№ 7; вар.: ИЯЛИ: АФ 1705-5, АФ 1705-6, АФ 1706-72, АФ 1706-73, АФ 1706-80, ВФ 1714-4, ВФ 1716-12, ВФ 1716-24). Текст скабрёзный, насыщен обсценной лексикой. Варианты к заключительным строкам «байки» обнаруживаются в пинежских свадебных приговорах с «крюком». ³³ Принадлежность этого текста репертуару дружки подтверждается комментариями исполнителей, отчасти различиями в содержании, выборе лексики в «мужских» и «женских» записях. Тексты в женском исполнении характеризуются отсутствием инвективной лексики и «потенции» на возможную ее «за-

³² В Устюжском у. Вологодской губернии блюдо, называемое «честью» (большой неразрезанный кусок жареного мяса), подавалось последним на свадебном пире (Ивановский 1881. С. 60). В Енисейской губ. в качестве третьего блюда подают жареного гуся или верхнюю челюсть свиной головы, украшенной луковичами (Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1. С. 117). Свиная голова как обязательное блюдо зафиксирована в описании свадебного обряда из Свяжского у. Казанской губ. (Архив РГО. Р. 14. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 10 об.) и др.

³³ В записях П. С. Ефименко приговор — назидание молодым мужьям произносился во время приезда жениха за невестой: «Слушайте, послушайте (об женатых): своих жен на улицу не распушайте, будете распушать, то молодцы ребята будут хватать (подчищать)» (Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды этнографического отдела ОЛЕАиЭ. М., 1877. Кн. 5, вып. 1. С. 83 (Известия ОЛЕАиЭ; Т. XXX)); в записи 1971 г. зафиксировано, что «с крюком» идут после того, как «молодицу переоденут»: «Слушайте-послушайте, / Да молодых жен / На улицу не спускайте, / Нынче времена гулящи, / Нынче времена пьяны, / У них х... упрямы. / Где сгребут, там и е...т» (АКФ МГУ: ФЭ-08:7758).

мену»;³⁴ напротив, мужчины при исполнении употребляют «сексуальные лексемы с прямым названием».³⁵

Предполагаем, что исполнение этого текста могло быть приурочено к обряду первой брачной ночи. Комментируя, информант назвал его «молитвой» («Посадили его [о П. М. Тропникове, дружке из д. Фоминская. — Ю. К.], вот он и зачитал молитву. Опеть про табачок...» — ИЯЛИ: АФ 1706-74), подобное отношение дает повод думать, что байка заключала в себе своеобразное «заклинание» действий, происходящих на брачном ложе. В материалах XIX в., записанных в Вологодской губернии, обнаружены близкие по содержанию тексты,³⁶ они бытовали в качестве присказки (Сольвычегодский у.), в свадебном обряде исполнялись дружкой накануне венчания (Кадниковский у.), на свадебном пиру и на второй день свадьбы, после первой брачной ночи (Никольский у.).

Публикуемые ниже тексты записаны в период с 1959 по 2006 г., хранятся в фольклорных архивах Фольклорной комиссии Союза композиторов РФ (г. Москва), Сыктывкарского государственного университета (г. Сыктывкар), Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар).

Комментарий к каждому тексту включает: место хранения и шифр записи, паспортные данные исполнителя(-ей) и собирателя(-ей). Отмечена функциональная характеристика текста, указаны варианты записей со ссылкой на известные по данной территории опубликованные и архивные источники, некоторые художественные особенности публикуемого текста, в том числе в контексте повторных фиксаций, сделанных от этого же исполнителя.

Вопросы, ремарки, комментарии собирателей заключены в квадратные скобки и даются обычным шрифтом, комментарии исполнителей выделены курсивом. Многоточиями в угловых скобках отмечены случаи нарушения стабильности исполнительского процесса (паузы, оговорки и проч.). В круглых скобках восстанавливаются пропущенные слова, заключен вопросительный знак как указание, что слово произнесено нечетко. Каждая запись, сделанная в экспедиционных условиях, содержит несколько текстов приговоров, которые выполняют в обряде различные функции, приурочены к разным ритуальным актам. Подобная «целостность» записей сохранена намеренно с целью продемонстрировать специфику исполнения текстов этого жанра в необрядовой ситуации. Экспедиционный опыт показывает, что корпус известных исполнителю приговоров декламируется им как один текст, в котором «границу» между приговорами зачастую можно определить по наличию лаконичного комментария исполнителя, включению в текст молитвенного обращения или обращения к определенному лицу, выполняющих функцию зачина того или иного приговора.³⁷

³⁴ В качестве примера приведем один из текстов, записанных в 1996 г.: «[Богач] удивляется, где бедняк денег отжидается? Не мою ли он дочку (пауза, понизив голос) Матюг (...). Не она ли ему на табак денёг дает? Табак хинь, табак корень, табак никуда не годен» (ИЯЛИ: АФ 1705-6).

³⁵ Варганова В. В. Сексуальное в свадебном обряде // Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост., науч. ред. А. Л. Топоркова. М., 1995. С. 154.

³⁶ Мы оперируем записями, хранящимися в Архиве РГО, сделанными в Вологодской губернии, в Никольском уезде, в 1849 г. (Архив РГО. Р. 7. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 39—39 об.), Кадниковском уезде в 1890-х гг. (Архив РГО. Р. 7. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 287—288), Сольвычегодском уезде, год не указан (Архив РГО. Р. 7. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 6 об.—7). Последний текст опубликован (Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского РГО. Пг., 1914. Вып. 1. С. 228).

³⁷ Вопрос о критериях, по которым в «опубликованном как единый текст приговоре» можно выделить разные приговоры, обслуживающие, «оформляющие» отдельные эпизоды или обрядовые ситуации, был поставлен Ю. Г. Кругловым в 1977 г. при обсуждении проблем «Свода русского фольклора» (Круглов Ю. Г. Вопросы классификации и публикации русского свадебного фольклора // Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора». Л., 1977. Т. 17. С. 96).

1

(Господи) Иисусе Христе Сыне Боже нас и помилуй нас!
Мы, храбрые резвые дружки,
Садились в сани,
Ехали сами.
⁵ Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
Ехали-попоехали
Чистыми полями,
Зеленыма лугами,
Темными лесами
¹⁰ И черными грязями.
Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
Наши кони фыркали-храпели,
С горы на гору как птицы летели.
Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
¹⁵ Ехали-попоехали,
Попали нам ростани,
Тут наши конюшки стали.
Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
Я, храбрый резвый дружка,
²⁰ Николаю Чудотворцу помолвился,
Вправо бросился.
Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
Ехали-попоехали,
Попали нам деревня как город,
²⁵ Дом как терем.
В этом ли городу,
В этом ли терему
Молодая княгиня живет?
Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
³⁰ Сват-сватюшка,
Невестин отец и матушка,
Где прикажете стучать?
Под окошком под судным, под передним или под середним,
Или у заднего крыльца,
³⁵ Или у парадных ворот?
Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
Сват-сватюшка,
Невестин отец и матушка,
У вас молодая княгиня
⁴⁰ Жива ли, здорова?
У нас молодой князь
Жив и здоров,
По улочке похаживает,
Сапог о сапог поколачивает.

Скажут:

⁴⁵ — Здорова.
— Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
Я, храбрый резвый дружка,
Захожу на крыльцо
И беру за кольцо за витое.
⁵⁰ Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
На первую ступень ступлю,
Сто рублей плачу,
На вторую ступлю —
Двести плачу,
⁵⁵ На третью ступлю —
Триста плачу,
На четверту ступлю —
Четыреста плачу.

Так и дальше.

Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
⁶⁰ Сват, сватюшка,

Невестин отец и матушка,
 Отпирайте-ко воротичка дубовы,
 Засовчики кленовы,
 Кладите вы их повыше,
⁶⁵ Чтобы нам, храбрым и резвым дружкам,
 Головой не задеть,
 Шапки не сшибить,
 Самим себя не пристыдить
 И вас не прибесчестить.

2

Господи Иисус Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
 Отец родимый, мать родима,
 Благословляйте-ко новобрачного молодого князя
 За новобрачной молодой княгиней ехати.
⁵ Вы, гостеньки суточные, куточны,
 Званы и незваны, запечина, подпорожина,
 Все говорите: Бог благословит.
 Господи Иисус Христе, Сыне Боже нас, помилуй нас!
 Отец родимый, мать родима,
¹⁰ Кому прикажете путь держати:
 Князьям или боярам,
 Или вашим гостенькам,
 Или нам, резвым дружкам.

Говорят:

— Резвы дружки, правьте дорогу.
¹⁵ Господи Иисус Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
 Отец родимый, мать родима,
 Мы поедем,
 Встретимся брат с братом,
 Мы едем туда,
²⁰ А другие оттуда едут.
 Кому прикажете воротить?
 Им воротить или нам воротить,
 Или на половину дорогу делить,
 Или их по шее колотить.
²⁵ Господи Иисус Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
 Мы садимся в сани,
 Поехали мы сами,
 Со князьями-боярой,
 Со сватьяшкой-гогулей,
³⁰ Со всем поездом.
 Ехали-попоехали чистыми полями,
 Зелеными лугами,
 Темными лесами,
 Черными грязями,
³⁵ Попали нам росстани —
 Тут мы все и стали.
 На тех росстанях стоит древо,
 На том древе святая икона Николай Чудотворец.
 Мы ему помолились,
⁴⁰ Мы ему покорились
 И в путь-дорожку отпросились.
 Ехали-поехали,
 Попал нам куничий след.
 По куничьему следу
⁴⁵ Доехали до деревни.
 В этой ли деревне,
 В этой ли губерне,
 В этом ли городе,
 В этом ли терему
⁵⁰ Новобрашна молодая княгиня живет?
 — В этой.
 У вас новобрашна молодая княгиня жива ли, здорова?
 — Жива и здорова.

- У нас новобрачный молодой князь жив и здоров.
⁵⁵ Как во полюшке соколик полётывает,
 Так у нас новобрашный молодой князь
 По улочке погуливает,
 С ноги на ногу поступает,
 Сапог о сапог поколачивает,
⁶⁰ И нас, резвых дружек, хорошо поворачивает.
 Господи Исусь Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
 Я, резвый дружка,
 На первую ступень ступаю —
 Сто рублей кидаю,
⁶⁵ На другую ступень выступаю —
 Двести кидаю,
 На третью ступень выступаю —
 Новобрашну молодую княгиню выручаю.
 Захожу я на крыльцо,
⁷⁰ Беру за витое кольцо,
 Отпирайте-ко дверчики,
 Ставьте-ко запорчики
 На левую сторону,
 Воротить на правую.

Заходят в коридор.

- ⁷⁵ Господи Исусь Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
 Сват и сватьяшко,
 Отец невестин и матушка,
 Захожу я в ваше тепло-гренье.
 Нет ли в вашем теплом гренье старух старых,
⁸⁰ Робят малых, собак ярых,
 Петухов-клевунов, мужиков-еретиков?
 Господи Исусь Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас!
 Я, резвый дружка,
 Смело за порог ступаю,
⁸⁵ Всех раскидаю:
 Старух старых — на печь,
 Собак ярых — на цепь,
 Петухов-клевунов — в подполье,
 Малых робят — в застолье,
⁹⁰ Мужиков-еретиков — на задворье,
 Господи Исусе Христе, Боже наш...
 Сват и сватьяшка,
 Отец невестин и матушка,
 Садитесь-ко на повеленное место,
⁹⁵ Где Господь повелел:
 За столики дубовы,
 За столешки кленовы,
 За скатерти берчаты,
 Которы шиты-браны, верчены,
¹⁰⁰ За питья сахарны,
 За подножечки серебряны,
 За ножики точеные,
 За вилочки золочены,
 Под святые иконы
¹⁰⁵ И свечи воскояровые.
 Господи Исусе Христе, Боже наш...
 Сват и сватьяшка,
 Отец невестин батюшка,
 Вместе и при месте?

Говорят:

- ¹¹⁰ — Вместе и при месте.
 Господи Исусе Христе, Боже наш...
 Отец невестин батюшка,
 Благословляйте-ко нас, резвых дружок,
 От новобрачного молодого князя
¹¹⁵ И новобрачной молодой кнегине

- Подарочки снести.
 Вы, гостеньки суточные, куточны,
 Званы и незваны, запечины и подпорожина,
 И все говорите: Бог благословит.
- ¹²⁰ Господи Иисусе Христе, Боже наш...
 Вы, бабоньки,
 Поразойдитесь-ко, порасшатитесь,
 Дайте-ко мне дорожку
 Ни узку, ни широку,
- ¹²⁵ Через одну половку.
 Чтобы мне было пройти,
 Чулочки не замарать,
 С башмачков пуговицы не ощипать,
 И себя не пристыдить,
- ¹³⁰ И вас не прибесчестить.
 Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!
 Вы, новобрачна молодая княгиня,
 Встань-ко на кунны ножки,
 Соболиные лапки,
- ¹³⁵ Подойди-ко к нам поближе,
 Поклонись-ко нам пониже.
 Принимай-ко подарочки,
 Да клади-ко отдарочки:
 Клади семь аршин полотна,
- ¹⁴⁰ Чтобы вышла рубашка
 Не длинна и не коротка и с подштанничками.
 Как кого будешь дарить,
 Таково буду хвалить:
 Хорошо будешь дарить —
- ¹⁴⁵ Хорошо буду хвалить,
 Плохо будешь дарить —
 Буду хаять и бранить.
 Господи Иисусе Христе, Боже наш...
 Сват и сватьюшка,
- ¹⁵⁰ Отец невестин батюшка,
 Хорошо свою дочку поили-кормили
 И на добрые дела учили.
 Тонко пряла, звонко ткала, бело белила,
 На сером камешке колотила
- ¹⁵⁵ И нас, резвых дружек, хорошо подарила
 И тем же встречайте.
 Сват и сватьюшка,
 Отец невестин батюшка,
 Нарядите-ко своих сыновей
- ¹⁶⁰ Или ваших гостей,
 Чтобы выпрягли наших лошадей.
 Выпрягчи, дужки прибрать,
 И колокольчики не снимать, а сена надавать.
 Сена до колена, овса до хвоста,
- ¹⁶⁵ Белоярой пшенки до щетки.
 Каково будет нашим,
 Таково будет и вашим.
 Каково будет сегодня нам,
 Таково будет завтра и вам.

3

- Господи Иисусе Христе, Сыне Боже нас и помилуй нас...
 Отец родимый,
 Благословляйте-ка новобрачного молодого князя
 За новобрачной молодой княгиней ехати.
- ⁵ Вы, гости суточные и куточны,
 Званы и незваны,
 Благословляйте новобрачного молодого князя
 За новобрачной молодой княгиней ехати.
 Отец родимый, мать родимая,
- ¹⁰ Кому прикажете путь держати:
 Князьям или боярам,

Или вашим гостенькам,
Или нам — резвым дружкам.
Отец родимый и мать родимая,
¹⁵ Если мы поедем,
Встретимся брате братом,
Кому прикажете воротить?
Нам воротити или им воротить,
Или на половину дорогу делить,
²⁰ Или их по шее колотить.
Господи Иисусе Христе, Боже наш...
Мы садимся в сани,
И поехали мы сами
Со сватьюшкой-гогулей,
²⁵ Со всем поездом ехали.
Попоехали чистыми полями,
Зелеными лугами,
Темными лесами,
Попали нам росстани черными грязями —
³⁰ Тут мы все и стали.
На тех росстанях стоит древо,
На том древе святая икона
И Николай Чудотворец.
Мы ему помолились, покорились
³⁵ И в путь-дорожку отпросились.
Ехали-попоехали,
Попали на куничий след.
По куничьему следу
Доехали до деревни ко крыльцу.
⁴⁰ В этой ли деревне,
В этой ли губерне
Новобрачна молодая княгиня живет?
— В этой.
— У вас новобрачна молодая княгиня жива и здорова?
⁴⁵ — Здорова.
— А у нас новобрачный молодой князь
Жив и здоров.
Как во полюшке соколик полётывает,
Так и у нас новобрачный князь
⁵⁰ Сапог о сапог с ноги на ногу поколачивает,
Нас, резвых дружек, хорошо поворачивает.
Господи Иисусе Христе, Боже наш...
Я, резвый дружка,
Сват и сватьюшка,
⁵⁵ Захожу в ваше тепло-гренье.
Нет ли в теплом гренье старух старых,
Робят малых, петухов-клевунов,
Мужиков-еретиков, собак ярых?
Я, резвый дружка, смело ступаю,
⁶⁰ Старух старых всех раскидаю на печь,
Собак ярых — на цепь,
Петухов-клевунов — в подполье,
Мужиков-еретиков — на задворье,
А робят малых — в застолье.
⁶⁵ Господи Иисусе Христе, Боже наш...
Сват и сватьюшка,
Отец невестин и матушка,
Нет ли у вас прямя печки
Серебряных тарелочек?
⁷⁰ Нет серебряных — дайте оловянных,
Нет оловянных — живет и блюда деревянные.

Они подали блюда деревянные, и дружка выходит к жениху, первый по улочке погуливает:

Ты, новобрачный молодой князь,
Не заглядывайся, не засматривайся
И вынимай-ка золотой ключик,
⁷⁵ Отпирай-ка серебряный ящик,
Вынимай-ка подарочки,

Клади на тарелочки.
 На первую тарелочку —
 Башмачки и чулочки,
⁸⁰ На другую тарелочку —
 Белила румяные, гребешок и чисто зеркальце.

И пошли в избу дружки:

Господи Иисусе Христе, Сыне Боже наш и помилуй нас!
 Сват и сватьяшка,
 У вас пороги-те высокие,
⁸⁵ У нас ноги-те короткие.
 Скок за порог —
 Едва и ноги переволок.
 Пал, споткнулся, встал да справился,
 Опять вперед отправился.
⁹⁰ Сват да сватьяшка,
 Отец невесты и матушка,
 Садитесь-ка на повеленное место,
 Где Господь Бог повелел — за столики.
 Господи Иисусе, помилуй, Боже наш...
⁹⁵ Вы, новобрачна молодая княгиня,
 Встань-ка на куриные ножки,
 Соболиные лапки,
 Подойди-ка к нам поближе,
 Поклонись-ка нам пониже.
¹⁰⁰ Принимай-ка подарочки,
 Клади нам отдарочки:
 Клади семь аршин полотно,
 Чтобы вышла рубашка
 Не длинна, не коротка, с подштанниками.
¹⁰⁵ Каково будешь дарить,
 Таково будем и хвалить.
 Плохо дарить —
 Будем хаять и бранить.
 Спасибо вам, сват и сватьяшка,
¹¹⁰ Хорошо свою дочку поили,
 Кормили и на добрые дела учили.
 Тонко пряла, звонко ткала,
 Бело белила,
 На сером камешке колотила
¹¹⁵ И нас, резвых дружек, хорошо подарила.
 Спасибо, сват и сватьяшка,
 Отец невестин батюшка,
 Чем свою дочку поили, кормили
 И на добрые дела учили,
¹²⁰ И тем же встречайте
 Новобранного молодого князя:
 Хлебом, солью, пивом чашкой,
 Вином чаркой, святой иконой,
 Свечой воскояровой.
¹²⁵ Господи Иисусе Христе...
 Сват и сватьяшка,
 Отец невестин батюшка,
 Нарядите-ка своих сыновей
 Или ваших гостей,
¹³⁰ Чтобы выпрягли наших лошадей.
 Выпрягут — дужки прибрать,
 А колокольчики не снимать
 И сена надавать.
 Сена до колена,
¹³⁵ Овса до хвоста,
 Белой пшенки до щетки.
 Каково будет нашим,
 Таково будет завтра и вашим.
 Сегодня мы вам в глаза глядим,
¹⁴⁰ А завтра вы нам будете глядеть.

4

(Я, молодой) князь,
 Встаю утром рано,
 Выхожу на красное крылечко,
 Гуляю на широкой улице
⁵ И вхожу в новую конюшню.
 Выбираю себе коня молодого, белогривый,
 Накладываю уздечку,
 Запрягаю пошовёвцы дубовые,
 Оглобенки ветловые,
¹⁰ Закладываю дужку.
 И так наши кони были излажены,
 Напряжены, излажены,

Все спутал...

Напряжены, излажены,
 В божий лад излажены,
¹⁵ Скочить-ска(тить) (?)
 Садилась все в круг,
 Поехали все вдруг,
 Садилась все в сани,
 Учителя все сами.
²⁰ Мы ехали да гнали,
 С горы на гору наши кони скакали,
 Доехали до росстаней,
 Тут наши кони стали.
 На тех росстанях стоит дряво зелено-кудряво,
²⁵ На том дряве сидит Николай-Угодник.
 Мы ему помолились, покрестились,
 На путь-дорогу попросились.
 Он нас направил на путь-дорогу.
 Мы ехали темными лесами,
³⁰ Черными грязьями,
 Чистыми полями,
 Зелеными лугами,
 Доехали до деревни,
 Деревня как город.
³⁵ В этом ли дому,
 В этом терему
 Молодая княгиня живет?
 — В этом! — *отвечают.*
 Все гости съезжались,
⁴⁰ Как серые гуси слетались
 С мелких озер на широкое большое озеро.
 Сват да сватьяшка,
 Невестина матушка,
 Куда прикажете колотиться:
⁴⁵ Под сутное, под skutное, под порожное окошко,
 У крутого крыльца, у витого кольца?

Ну, там чего скажут.

На первую лесенку ступаю деревянну,
 На вторую — оловянную,
 На третью — серебряную,
⁵⁰ Выхожу на крутое крыльцо,
 Беру за витое кольцо,
 Отворяю воротничка дубовые,
 Вынимаю запорчики кленовые,
 Кладу на левую руку,
⁵⁵ Отворяю на правую,
 Правой ногой ступать, левой отворять.
 Сват да сватьяшка,
 Невестина матушка,
 У вас пороги высоки,
⁶⁰ У нас ноги коротки.

Скок за порог —
 Едва ноги переволок.
 Матица, не гнись,
 Половица, не ломись,
⁶⁵ Молодая княгиня, нас, резвых дружек, не утрашишь.
 Подарки несем красной фатой,
 Бело немутное зеркальцо.
 Тетушки-молодушки,
 Порасступитесь, порасшатитесь,
⁷⁰ У вас рожи смазаны,
 Посередке глажены,
 Для нас, для дураков, излажены.
 У нас глаза завидящие,
 Руки забродящие.

Ну, это говорить не будем там. [Говорите, пожалуйста]. *Дальше чего.* (...)

⁷⁵ Надо вам на башмáчки не ступить,
 Шелкóви пуговки не оборвать.
 Ваша молодая княгиня
 Встрешного и поперяшного каждого окликала,
 Каждого уста целовала.
⁸⁰ Сват да сватьюшка,
 Невестина матушка,
 Нет ли у вас старух старых, собак ярых,
 Стариков-еретиков, петухов-клевунов,
 Куриц-клоктуний, старух-пердуний?
⁸⁵ Убирайте старух старых нá печь,
 Собак ярых — на цепь,
 Стариков-еретиков — в подполье,
 Маленьких ребят — жопами на колье.

(...) А тут чего.

[Сват да] сватьюшка,
⁹⁰ Невестина матушка,
 Выпрягите наших кóней,
 Надавайте нашим кóням
 Сена до колен, овса до хвоста,
 Яровóй пшеницы до грудицы.
⁹⁵ Сват да сватьюшка,
 Невестина матушка,
 Каково будет у нас, у вас нашим,
 Таково и у нас вашим.
 Если вы наших будете обносить,
¹⁰⁰ То мы до ваших далеко не станем доносить.
 А если вы наших будете обижать,
 То мы ваших не будем живых домой отпускать.

Все.

Сватьюшка, невестина матушка,

Дак ведь спутал все.

Это не зарок,
¹⁰⁵ А у нашего молодого князя как рог,
 Голова как кий, а сам как клин,
 А язык как кóлоколо.

Все, больше не [знаю].

Сват да сватьюшка,
 Невестина матушка,
¹¹⁰ Каково у нас, у вас нашим,
 Таково и у нас вашим.
 Если вы наших будете обносить,

То мы до ваших далеко не будем доносить.
 А если вы наших будете обижать,
¹¹⁵ То мы ваших живыми домой не будем отпускать.

5

[Дружки] *за порядком следили. Вот и все. Это нигде ведь это не написано было [приговоры. — Ю. К.], так вот это я маленько запомнил, несколько слов, столько вот этого и есть на память [В 1918 году?]. Да. Я тогда еще великий был, восьми лет. Вам с начала все? [Да]. Это, конечно, большая история, много читки. Так. Не доезжая дó дому до этого, начинает читать:*

Ехали по полям, по лугам,
 По зеленым лугам,
 Заехали в темной лес,
 В медвежьё логово,
⁵ Дорогу потеряли,
 Но куница нам дорогу вывела.
 По кунициному следу ехали,
 К вашему терему приехали.
 В этом ли доме,
¹⁰ В этом ли тереме
 Наша молодая кнегина?

Вот. Там задают вопрос:

— Кто там пищит, комар ли муха?
 — Я ни комар, ни муха,
 От Свята Духа.

Вот, значит. <...>

¹⁵ Я, старшая дружка,
 На первую ступеньку ступаю —
 Плачу сто рублей,
 На вторую — двести,
 На третью — триста,
²⁰ На четверту ступаю —
 Не будет дому вашему подъему.
 Я, храбрая дружка,
 Беру за золотое кольцо,
 Отворяю парадное крыльцо.
²⁵ Скок через порог —
 Едва и ножки переволоок.
 Хозяин, хозяйюшка,
 Приберите собак,
 Привяжите на цепи,
³⁰ Злых еретиков — в подпольё,
 Баб-колдуньёв — на голбец,
 Маленьких детей — на полати.

Вот, вот... <...>

Тетушки-молодушки,
 Белые лебедушки,
³⁵ Порасшатитесь, порастравитесь
 На все четыре стороны.
 Надо вам на ножку не ступить,
 Хохолки ваши не потрясти,
 Нашего новобрашного князя
⁴⁰ В несчастье не ввести.
 Хозяин да хозяйюшка,
 Подайте по стаканчику пивця,
 Щтёбы читать было ловца.

<...>

Хозяин, хозяйюшка,
⁴⁵ Есть ли у вас тарелочка золотая?
 Золотой нет — дайте серебряну,
 Серебряной нет — медной дайте,
 Медной нет — дайте деревянную.
 У нашего новобрашного князя
⁵⁰ Молодой княгине есть подарочёк.

Вот он на тарелочку там кладет, вместе подходит с подарочком. Говорит:

Обувай, говорит, чулочки,
 Ступай на носочки.
 Обувай башмачки,
 Ступай на каблучки.
⁵⁵ Хозяин, хозяйюшка,
 Принимайте молодых гостей,
 Садите застольё.

Вот и начинается пир-встреча. <...> Ну, садятся за стол, садятся. Дружка несет что-то... забыл, как называется. Несет, читает. Начинается:

Господи, Иисусе Христе, Сыне Боже нас, помилуй нас...
 Теща кашу варила, суп пролила,
⁶⁰ Зятю на пятки пролила...

Вот неправильно маленько сделал.

Я, говорит, этот дружка, беру,
 А тысяцкий, говорит, рушай,
 А гостям всем — кушай.

6

(Ехали-попоехали) зеленыма лугами,
 Темныма лесами,
 Да увидали кунный след,
 Поехали по этому куньему следу,
⁵ Приехали <...> к длинному мосту.
 Поехали по этому длинному мосту,
 Чтоб добраться до невесты.
 Ехали-попоехали:
 Стоит дом как терем,
¹⁰ <...> Изба как город.
 Подъехали к этому дому,
 Постучали.
 Вышли сват и сватьяшка.
 Где нам поколотиться:
¹⁵ У крылешных дверей
 Или у банных дверей,
 Или у стайных дверей?

Тожe обманывают, скажут, итё:

— У стайных дверей.
 — Наш жених — не пастух,
²⁰ Стайных дверей не знает.

Скажут:

— У банных дверей.
 — Наш жених — не поивушка,
 Банных дверей не знает.

Ну, вот тогда скажут, итё:

— У крыльца.

У крылешных дверей. Вот тогда он [друга. — Ю. К.] и говорит, что:

²⁵ Выхожу на крыльцо,
Беру за витое кольцо,
Отворюю двери на пятау.

И спрашивает тогда:

Нет ли у вас здесь стариков-еретиков,
Старух старых, ребят малых,
³⁰ Собак ярых, петухов-клевунов?
Петухов-клевунов — в шесток,
Собак ярых — на цепь,
Робят малых — на запольё
Жопами натывать на кольё,
³⁵ Стариков — в угол на печь.

Вот тогда опять:

Тетушки-молодушки,
Порасшатитесь,
Дайте нам дорожку ни широку и ни узку,
Чтобы на башмáчки не ступить,
⁴⁰ Сарафаны не изорвать,
Самому себя не пристыдить
И вас не прибесчестить.
У нас руки длинные,
Глаза завидны,
⁴⁵ Загребем да в пазуху.

⟨...⟩ Ну тогда скажут:

Сват и сватьяшка,
Разрешите пройти к молодой кнезина-невесте.

Скажут:

— Пожалуйста.
— А где молодая кнезина?
⁵⁰ Ежели на середе — несу на переде,
Ежели на пече, то несу на плече.

Скажут:

— На середе.
— Сват и сватьяшка!
Дайте нам торелочки ⟨...⟩ золотые,
⁵⁵ Нет золотых — деревянные,
Нет деревянных — хорошо и оловянные,
Нет оловянных — мы и в подоле унесем.

Торелочки выдадут, и тогда подходишь опять на сёрдь за невесте:

У нас были торелочки золотые,
Мы ехали по крутым горам,
⁶⁰ По темным лесам,
По длинным мостам,
У нас моста подломилися,
Торелочки розбилися.

Ну, торелочки выдадут, тогда к невесте [идут с подарками. — Ю. К.]:

Молодая князина-невеста,
⁶⁵ Ударей нас, резвых дружок,
Торелочки принимай и платочком накрывай.
Чтоб был платок такой,
Не короче сажени одной.

Нет платка — семь аршин полотна,
⁷⁰ Штёбы рубашка ни коротка
 И подштянники вышли.

Ударит, невеста тут, хорошо подарит:

Спасибо, сват и сватьяшка,
 Хорошо дочку кормили,
 Хорошо поили,
⁷⁵ Хорошо нас, резвых дружок, ударили.

Надо за стол садиться, тогда лошадей выпрягать... Вот, вишь, опять [забыла сказать]:

Наш жоних как серый князь
 По чистому полю поскакиват,
 Сапог о сапог поколачиват.

Это сначала бы надо, там розоставите сами. Вот.

Сват и сватьяшка,
⁸⁰ Выпрягите наших лошадей,
 Дужки не изломайте,
 Колокольчики приберите,
 Сена чтоб было до колена,
 Ярые пшеницы до самой до грудицы,
⁸⁵ Овса было чтоб до хвоста.
 Каково будет нашим,
 Таково и вашим.

Что-то как-то еще было, да вот не знаю, не могу вспомнить.

Молодая кнезина-невеста,
 За стол садись,
⁹⁰ Нас, резвых дружок, не утрашишь.

Еще спросят:

Как ваша молодая кнезина-невеста,
 Здравна ли, исправна?
 У нас молодой здравен и исправен.
 Голова опеть как кий, а тут как клин.

Все на этом, может, и пропущено.

7

[Простачок] садився на скачок, закуривал табачок, Богу травку, Христов ко-
 решок. Бога вспоминал, Христа величал, богату богатину проклинал. Богату бога-
 тину с чаем и медом, и мать ее е..м. Богатый удивляется, откуда бедняк деньгами
 отживается. Не мою ли он дочку е..т, не она ли ему на табак денёг дает? Табак хин,
 табак корень, табак ни в п...у не годен. Слушайте, послушайте, молодых баб на
 улицы не отпушшайте. Вы будете отпушать, мы будем подчищать.

КОММЕНТАРИИ

1. ФК: 1358-8. Зап. в 1959 г. В. М. Шуров, А. В. Медведев от Александра Ефимовича Блинова, 1885 г. р., Филиппа Ефимовича Блинова, 1888 г. р., д. Наволок Павловского с/с.

Запись включает приговоры, которые комментировали отъезд свадебного поезда из дома жениха (ст. 1—4), дорогу (ст. 5—29), вход в дом невесты (ст. 30—35, 47—69); содержит характеристику жениха (ст. 41—44).

Отмечен ряд редко встречающихся строк и фрагментов. Описание полета коней поезжан (ст. 12—13) реализуется с помощью формулы, передающей движение коня («[конь скакал] с горы на гору, с холмы на холму»), в вилегодском тексте формула имеет редуцированный вид; передвижение коней поезжан сравнивается с полетом птиц, что позволяет подчеркнуть легкость, стремительность преодо-

ления пространства. В фрагменте, который комментирует вход дружки в дом невесты, зафиксирована деталь «головой не задеть, шапки не сшибить» (ст. 66—67, ср.: Ордин 1896. С. 92).

Запись интересна в плане демонстрации механизмов построения приговорных текстов. Так, в ст. 51—58 реализуется мотив «дружка поднимается по ступеням», текст характеризуется открытой структурой, финальная фраза отсутствует. С одной стороны, такая открытость позволяет исполнителю «нанизывать» неограниченное количество строк, с другой — дает возможность сократить текст до минимальной формулы (три ступени). Один из исполнителей, комментируя подобного рода тексты, отметил, что такое нанизывание может быть обусловлено ритуальной ситуацией: дружке открывают двери в дом при условии выкупа всех ступеней («И вот так: сколько ступенек, он все обещается класть деньги. И тогда только двери ему открывают...») — ИЯЛИ: АФ 1702-27).

2. ФК: 1417-32. Зап. 26 января 1972 г. В. В. Сорокин, Е. С. Кустовский от Семена Петровича Кашинцева, 1892 г. р., д. Роженец Ильинского с/с.

В записи представлены приговоры, которые произносились до венца в доме жениха перед выездом за невестой и в доме невесты, комментировали следующие ритуальные акты: благословение жениха родителями и гостями (ст. 1—7, 111—119), сбор поезжан в дорогу и отъезд свадебного поезда (ст. 8—30), вход в дом невесты (ст. 61—90), рассаживание за столом (ст. 91—110), дарение невесты и поезжан (ст. 120—147), обеспечение хорошей встречи поезжанам (ст. 157—169). Подробно реализуется сюжетная тема пути-дороги поезда (мотивы «дорога», «погоня по куньему следу», «встреча с Николаем Чудотворцем», ст. 31—50), представлены характеристики жениха (ст. 54—60) и невесты (ст. 148—156).

Запись отличается наличием редких для вилегодских текстов описаний, прежде всего приговорами, которые произносились в доме жениха перед выездом за невестой. Ст. 5—7, 117—119 — обращение к присутствующим гостям с просьбой о благословении [ср.: Кузнецов 1902. С. 7. № 23; Ордин 1986. С. 84]. Ст. 9—14 — просьба назначить главный чин свадебного поезда; текст строится на перечислении свадебных чинов и присутствующих гостей, из числа которых дружка просит выбрать руководителя свадебного поезда (ср.: Кузнецов 1902. С. 7. № 24; Ордин 1986. С. 85). Ст. 16—24: дружка уточняет «стратегию» поведения поезжан в дороге (ср.: Кузнецов 1902. С. 7. № 24; Ордин 1896. С. 85). Ст. 18: «встретимся брат с братом» — речь, вероятно, идет о встрече двух свадебных поездов, следует читать «встретимся брак с браком». Ст. 35—41: сюжет «встреча с чудесным помощником» является специфической чертой местной традиции (вар.: ФК: 1358-8; СыктГУ: 0481-77, 0486-46; ИЯЛИ: АФ 1706-74, АФ 1706-75, АФ 1706-82; Крашенинникова 1995. С. 46; Русская свадьба 2001. С. 268).

3. СыктГУ: РФ, Вилегодское собрание. Опубликовано: Крашенинникова 1995. С. 46—49, публикуется с комментариями и дополнениями.

Текст был переписан летом 1986 г. во время студенческой фольклорной практики Сыктывкарского гос. университета с рукописи, хранящейся в семье местных жителей; паспортные данные отсутствуют. Предполагаем, что мог быть записан грамотным человеком (родственники, учитель (?)) от вилегодских исполнителей С. П. и Н. С. Кашинцева (текст, зафиксированный от Н. С. Кашинцевой, хранится в архиве кафедры фольклора МГУ: 10:1019-1024, опубликован: Русская свадьба 2001. С. 268—270, 292—293), это предположение подтверждает стилистика и композиционная близость всех трех записей. Ст. 72—75 — описание «серебряного ящика» с подарками. Ст. 120—124: единственная экспедиционная запись, в которой реализуется тема «встречи жениха» (ср.: Кузнецов 1902. С. 15. № 52; Ордин 1896. С. 84, 96; РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 39. Л. 87, 90). Перечень обязательных ритуальных предметов, которые должны быть преподнесены жениху или молодым при встрече в доме невесты или по приезде от венца, соотносится с этнографическими описаниями, записанными в Вилегодском районе: «От венца-то придут. Первое, оне [родители жениха] в решето ложат каравай хлеба, икона, свечка горит, свечка. Они, значит, выносят это. А потом, значит, мать его иконой [благословляет]» (ИЯЛИ: АФ 1702-34).

4. СыктГУ: 0481-77. Зап. в августе 1988 г. М. В. Хозяинова от Василия Тимофеевича Поморцева, 1910 г. р., Галины Григорьевны Поморцевой, 1922 г. р., д. Акуловская Павловского с/с.

В записи представлены приговоры, которые произносились до венца в доме жениха и в доме невесты, комментируют сбор жениха в дорогу (ст. 1—15), отъезд свадебного поезда (ст. 16—19), дорогу (ст. 20—37), вход в дом невесты (поиск возможного входа в дом, подъем по ступеням, переход через порог, ст. 42—65), ритуальный акт дарения невесты (фрагментарное описание даров, ст. 66—67; просьба предоставить «дорожку» к невесте, ст. 68—76). Приговор, посредством которого дружка просит обеспечить хорошую встречу поезжанам (ст. 95—102, 108—115), исполнитель повторяет дважды. Первая строка восстановлена по рукописи 1988 г., сделанной от этого же исполнителя (СыктГУ: РФ 0408. Вилегодское собрание. С. 59—68). Запись характеризуется наличием ряда оригинальных поэтических характеристик: метафорическое описание сбора гостей на свадьбу (ст. 39—41), характеристика присутствующих женщин (ст. 70—71), поезжан (ст. 72—74), невесты (ст. 77—79), жениха (ст. 103—107).

Ст. 1—10: разрабатывается мотив «дружка (жених) собирается в дорогу». Сопоставление с опубликованными материалами XIX в. демонстрирует общность основных узловых моментов повествования: выход из дома, выбор коня и упряжи, проверка готовности свадебного поезда к отъезду. Повествование вилегодского текста строится от лица жениха, что нехарактерно для записей XIX — нач. XX в. Мы связываем это с сокращением функций дружки, что является показателем состояния обряда и жанра на современном этапе существования традиции. Вилегодский текст характеризуется более распространенным начальным эпизодом: жених «встает утром», «выходит на (...) крыльцо», «гуляет на (...) улице» и т. д. (ср.: Ордин 1896. С. 83; Кузнецов 1902. С. 11—12. № 12). Ст. 39—41: реализуется мотив «гости собираются на свадьбу», в основе описания — синтаксический параллелизм: приезд гостей на свадьбу сравнивается с прилетом птиц (ср.: Ордин 1896. С. 80). Ст. 47—49: при описании ступеней крыльца исполнитель использует эпитеты «деревянные», «оловянные», «серебряные», что обнаруживает параллели

с волшебной сказкой (ср.: сказочный мотив путешествия героя через три царства (медное, серебряное, золотое) за невестой, в иной мир и т. д.). Ст. 50—56 — описание действий дружки на крыльце, в котором закрепился комплекс правил при входе в дом невесты: дружка берет запоры в левую руку, открывает дверь на правую сторону, движение в дом, напротив, начинается с правой ноги. Объяснение ст. 56 «правой ногой ступать, левой отворять» обнаруживаем в «Очерках...» Н. Ордина: дружка стоит одной ногой на крыльце, а другой за порогом, «чтобы не попасть впросак, так как нередко дружка невесты, желая сконфузить противника, вынимает у входа половые доски» (Ордин 1896. С. 93). Ст. 63—65 — поэтическое обращение дружки к семиотически значимым в традиционных народных представлениях локативам интерьера дома, выступающим в качестве символических средств защиты невесты (вар.: АКФ МГУ: 10:1035-1036). Ст. 66—67: описание подарков, ср. с рукописным текстом, записанным от В. Т. Поморцева:

...Мы идем от молодого князя к молодой княгине,
Подарки несем:
Белое платье, красная фата, чистое, немутное зеркальцо
(СыктГУ: РФ 0408. С. 64—65).

Ст. 73—76 — характеристика поезжан, ср. с рукописным текстом:

...Надо не обзариться и хорошее местечко не пощупать,
Надо вам на башмачки не наступить,
Шелковы пуговки не оборвать,
Надо вас не пристыдить и самим себя не обесчестить
(СыктГУ: РФ 0408. С. 65).

Ст. 77—79 — характеристика невесты, ср. с рукописным текстом:

...Говорят, будто бы ваша молодая княгиня
Каждого встречного-поперечного окликала,
[В] уста целовала каждого встречного-поперечного,
Каждому похоркать³⁸ давала,
На кровать приглашала.
Сват да сватьяшка,
Невестина матушка,
Правда ли неправда?

(СыктГУ: РФ 0408. С. 65—67).

Ст. 104—107: характеристика жениха строится на традиционном для заговоров от импотенции мотиве «рога».

5. ИЯЛИ: АФ 1703-48. Зап. 3 июля 1996 г. Ю. А. Крашенинникова от Николая Ополосовича Сухих, 1910 г. р., д. Никольск Никольского с/с.

В записи представлены приговоры, которые произносились перед закрытыми дверьми и в доме невесты, комментируют путь свадебного поезда (ст. 1—10), ритуальный акт отпирания дверей и вход в дом (ст. 12—26); действия дружки в доме невесты: заговаривание от порчи (ст. 27—32), преподнесение подарков (просьба предоставить дорожку, ст. 33—40, дать тарелочку, ст. 45—54). Зафиксированы лаконичные застольные приговоры (ст. 55—63).

Ст. 12—14 — фрагмент приговоров-диалогов, который произносится у закрытых дверей дома невесты (вар.: Кузнецов 1902. С. 26; Ордин 1896. С. 90; Ивановский 1881. С. 50; СыктГУ: 0473-30, 0489-18; ИЯЛИ: АФ 1703-32, АФ 1703-34, АФ 1703-48, АФ 1704-46, АКФ МГУ: 17-5449).

В содержании лаконичных застольных приговоров отразились функции дружки как распорядителя свадебного угощения: это приговоры, которыми регулировались начало свадебного пира (ст. 55—57) и процесс перемены блюд (ст. 58—60). Ст. 61—63 — приговор, который сопровождал вынос «чести» — свиной головы, символизирующей целомудрие невесты.

6. ИЯЛИ: АФ 1705-10. Зап. 4 июля 1996 г. Ю. А. Крашенинникова от Нины Прокопьевны Тропниковой, 1932 г. р., д. Фоминская Селянского с/с.

В записи представлены приговоры, которые произносились у закрытых дверей дома невесты и в ее доме, комментируют дорогу (ст. 1—8), вход в дом невесты (поиск возможного входа, ст. 14—27; заговаривание от порчи, ст. 28—35), преподнесение подарков (просьба предоставить дорожку, ст. 36—42; поиск невесты в доме, ст. 46—51; просьба «дать тарелочки» для даров, ст. 54—63; преподнесение подарков от жениха, ст. 64—66; требование «отдарочков», ст. 67—71), обеспечение поезжанам хорошей встречи (ст. 79—87); дается характеристика поезжан (ст. 43—45). Ст. 14—24 — ритуальный диалог, посредством которого дружка уведомляет сторону невесты о приезде поезда и просит предоставить жениху регламентированный вход в дом. Ст. 22: диалектное слово «поивушка» (вар.: «поивальница»: РГАЛИ. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 39. Л. 88), значение которого Н. П. Тропникова раскрывает в интервью: «Раньше, видишь, вот родят ребеночка, перву баню истопят, и надо поивать чего там, нулик, видишь, рбится сразу. Еще помню, там истопят баню и зовут какую-нибудь старушку. Там вот, может, чего и делают, чтоб он спокойнейкой был, и че, „поивают“ называется. [Эту старушку называют поивушка?] Да. Вот она — поивушка» (ИЯЛИ: АФ 1705-11).

7. ИЯЛИ. Зап. 14 августа 2006 г. Ю. А. Крашенинникова от Александра Михайловича Тропникова, 1937 г. р., д. Фоминская Селянского с/с.

³⁸ Хоркать — арх. «мыть с дресвой, шаркать, тереть» (*Даль В. И.* Толковый словарь (...). Т. 4. С. 561); в народной терминологии Вилегодского района хоркать — тереть, хоркаться — совершать половой акт.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АКФ МГУ — архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
- Ивановский 1881 — *Ивановский К.* Свадебные обычаи в Городецко-Николаевском приходе Устюжского уезда: (Этнографический очерк) // Вологодский сборник, издаваемый губернским статистическим комитетом под редакцией члена-секретаря комитета Ф. А. Арсеньева. Вологда, 1881. Т. 2. С. 45—61.
- ИЯЛИ — фольклорный архив Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; АФ — аудиофонд, ВФ — видеофонд.
- Крашенинникова 1995 — *Крашенинникова Ю. А.* Свадебный приговор дружки // Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986—1991 гг.): Материалы и исследования. Сыктывкар, 1995. С. 32—50.
- Кузнецов 1902 — Свадебные приговоры дружки по рукописи половины XIX столетия / Сообщил А. Кузнецов // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской АН. 1902. Т. 72, № 5. С. 1—27.
- Ордин 1896 — *Ордин Н.* Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // ЖС. СПб., 1896. Вып. 1. С. 51—121.
- Русская свадьба 2001 — Русская свадьба: В 2 т. / Сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. М., 2001. Т. 2.
- СыктГУ — архив Центра фольклорных исследований Сыктывкарского государственного университета; РФ — рукописный фонд.
- ФК — архив Фольклорной комиссии Российской Федерации (ранее: Комиссия музыковедения и фольклора Союза композиторов Российской Федерации).